

**ЧИТАЙТЕ В АВТОРСКОЙ СЕРИИ
ВАЛЕРИЯ БОЧКОВА
«ЭРОС И ТАНАТОС»:**

«Горгона»

«К югу от Вирджинии»

«Медовый рай»

«Берлинская латунь»

«Сады Казановы»

«Возвращение в Эдем»

«Мужчины настоящие и другие, которые так себе»

«Сердце и другие органы»

В А Л Е Р И Й
БОЧКОВ

ГОРГОНА

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Б86

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флобериум»

Миссия «Флобериума» –
открывать звезды и дарить их людям, чтобы жизнь стала ярче

Бочков, В.

Б86 Горгона / Бочков В. — М. : Флобериум / RUGRAM, 2021. —
154 с.

ISBN 978-5-521-90187-6

Я сбрила волосы. Ловким пиратским манером повязала чёрный платок. Нарисовала яркие губы, большие и слишком красные. Среди дочкиного хлама нашла круглые очки в золотой оправе. Стёкла были радикально розового цвета. Подмигнула своему отражению. Незнакомка из зеркала ответила: «Не узнала? Ида я, — ухмыльнулась она. — Ида. Я вернулась».

В моей прошлой жизни было событие, которое я мучительно вытравливала из памяти, но оно требовало возмездия. Я пыталась его подавить, заглушить, отринуть. В результате оно раздавило меня, меня прежнюю. На ее месте вдруг возникла Ида...

BIC FA
BISAC FIC000000

© В. Бочков, текст, 2020
© ООО «Флобериум», 2021
ISBN 978-5-521-90187-6 © Александр Кудрявцев, обложка, 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЛАНЕТАРИЙ

Оказывается, если сбрить брови, то весьма сложно изобразить на лице удивление. Да и другие эмоции тоже. К слову, именно в этом и заключается загадочность Джонды — не в улыбке, а в отсутствии бровей.

Я тоже улыбнулась. Приблизилась вплотную к зеркалу.

От дыхания на стекле появилось туманное пятно. На месте бровей остались бледные полосы, впрочем, едва заметные. Повернула кран, пустила воду. Сначала шла тёплая, потом холодная, после почти ледяная. Нагнувшись, я сунула голову в раковину. Струя туго била в затылок, волосы тут же намокли, сползли вниз и прилипли к лицу. От холода череп онемел, казалось, он стал стеклянным. Я про то синеватое стекло из которого раньше отливали молочные бутылки.

Подо мной растекалась холодная лужа. Банное полотенце, на котором я стояла, постепенно промокло насквозь. Вода щекотными струйками стекала по ногам. Нарушая закон тяготения, забиралась под мышки. Я закрыла кран. Волосы за лето отросли, мокрые, они казались совсем чёрными. Пятернёй я расчёсывала их, зажимала прядь в кулак и отстригала под корень. Ножницы были тупые, я нашла их в глубине кухонного ящика — выяснилось, что в доме нет приличных ножниц. Ключья волос на кафеле напоминали мелких зверьков, мёртвых и мокрых.

Брить голову оказалось гораздо сложнее, чем ноги или подмышки. Особенно затылок — глядя в зеркало, не пони-

маешь в какую сторону вести руку с бритвой. Даже умудрилась порезаться — сбоку, над ухом. Взяла из коробки свежее лезвие, снова намылила голову и прошлась ещё раз. Голый череп мне понравился — я видела его впервые. Круглый, без шишек и шрамов, красивый, как мраморный шар — качественный череп. Я осторожно провела пальцами по макушке: белая кожа была нежнее шёлка, я даже всхлипнула от умиления.

— Как звать тебя? — я сделала шаг назад.

Определённо не Александра. Никак не Саша. И уж давно не Шура. Я вглядывалась в лицо, пустое как контурный рисунок. На уроке географии нам давали контурные карты, там нужно было пустые страны покрасить в нужный цвет — вот ведь бред. Постепенно я перестала узнавать себя. Чем дольше смотрела, тем меньше сходства находила. По ту сторону зеркала стояла незнакомая баба, поджарая и жилистая, похожая на смуглую пловчиху в белой резиновой шапке. Волосы на лобке выглядели неопрятным и неуместным пучком. Пегим от седины и упругим как моток тонкой лески. Я выдавила в ладонь шампунь, быстро намылила низ живота и всё там сбрила.

Из зеркала на меня смотрели равнодушные, почти неопределённые глаза. Совсем чужие — я-то всегда думала, что они у меня карие, оказалось, какого-то болотного цвета. Как цвет этот называют — ореховый, что ли.

— Кто ты?

С улицы, едва слышно, долетел вой сирены, тихий и беспомощный, как стон. Пустые глаза действовали на нервы. Я старалась не встречаться взглядом с той, в зеркале. Исползованные бритвы вместе с обрезками волос завернула в полотенце. Концы полотенца завязала, сунула комком в пластиковый пакет для мусора. Туда же кинула ножницы. Выпрямилась, втянула живот, провела ладонями по бёдрам. Вполне ещё ничего — улыбнулась и подмигнула. Та, в зеркале, подмигнула в ответ.

— Ну что уставилась, сучка? Не узнала? Ида я, — ухмыльнулась она. — Ида. Я вернулась.

1

Тут я отпустила её. Пусть сама учится плавать. «Сучка» — вот тварь! На себя посмотри, бритая курва.

Ида не обращала на меня ни малейшего внимания.

Бесцеремонная стерва, звонко шлёпая босыми пятками, разгуливала по квартире. Из холодильника достала молоко, отпила прямо из пакета. Прошла в спальню. Распахнув шкаф, начала рыться в моих тряпках. Повязала чёрный платок, ловким пиратским манером, туго и без складок. Нарисовала яркие губы, большие и слишком красные — и откуда у меня такая помада? Может, Люськина — вот ведь засранка малолетняя! Иду такие пустяки, как воспитание детей, не интересовали. Среди дочкиного хлама она нашла круглые очки в золотой оправе. Стёкла были радикально розового цвета.

Майка с линялым языком «роллинг стоунз», трусы. Выяснилось, что Ида из тех дам, что не признают бюстгальтеры — я спорить не стала. Она натянула свитер, через тонкую ангору явно проступали острые соски. Ладно — твоё дело. Она влезла в тёртые джинсы, застегнула сапоги. Топнула каблуками в пол — всё!

Мне хотелось задержаться, ну хоть чуть-чуть. Хотелось найти какой-то предлог, чтобы ещё раз пройти по комнатам. Пальцами коснуться вещей, тронуть их напоследок. Сентиментальная чушь — фыркнула Ида и сдёрнула с крючка мою кожанку. Не оглядываясь, вышла на лестничную клетку и захлопнула дверь.

В «хозмаге» выяснилось, что у Иды низкий голос, что она требовательна и нетерпелива — неожиданная смесь хамства с кокетством от которой мужики робеют по неясной причине. Она заставила продавца, мрачного парня с толстым лицом, тащить коробку со своими покупками (пятнадцать метров стальной цепи, слесарный молоток, два мотка бечёвки, пара строительных рукавиц) на стоянку. Захлопнув багажник, она закурила, сунула парню мятую купюру и села за руль. Вырулила на Проспект Мира.

В зеркале мне удалось поймать её взгляд. Я не курила уже пятнадцать лет, бросила, когда носила Люську. В моей прошлой жизни есть событие, которое мне почти удалось вытравить из памяти. Случилось это давно, к тому же я очень старалась. Свидетелей и участников тех событий я давно исключила из своей нынешней жизни. По крайней мере, мне так казалось.

Я выросла без отца. Моя мать, упокой бог её душу, рассказывала мне дивные истории: сперва мой родитель был персидским принцем, которого злой отец-падишах заставил жениться на какой-то тамошней принцессе. Разумеется, принц тайно был без ума от мамы. Она даже показывала мне дутый золотой перстень с куском полированной бирюзы и до четвёртого класса я не сомневалась, что мы обладаем сказочным сокровищем.

Ночами мне снились жёлтые барханы, из-за них миражами выплывали минареты и дворцы, зыбкие как пена, белые как сахар. Мне чудился сладковатый запах розового масла и имбиря. Я потела под периной: мой отец — седые пряди и белый камзол, трость (рубины в набалдашнике) в загорелом кулаке — встречал меня на мраморной лестнице. А в сентябре наша географичка, вернувшись с болгарского курорта, появилась в классе с точной копией маминого кольца да и ещё парой бирюзовых серёжек в комплекте. Сдержаться мне не удалось, я разревелась и выставила себя полной дурой на потеху всему классу.

Фантазия у неё была хоть куда, у моей матери. Не моргнув глазом она призналась, что на самом деле моим отцом был испанский музыкант. Да, он очутился тут на гастролях. Москва, Ленинград, ещё, кажется, Саратов. После выступления, в одном из ресторанов (каком? ну как же — в гостинице «Россия», там и был концертный зал) он увидел маму. Она уверяла, что он посвятил ей серенату в стиле фламенко. Она даже включала мне музыку — нервные гитарные переборы каких-то виртуозных испанцев, при этом сама прищёлкивала пальцами и, загадочно ухмыляясь, закатывала глаза.

Последней реинкарнацией моего таинственного родителя стал хирург из Сальвадора. Он проходил стажировку в Склифе. Моя мама поскользнулась (да, была зима, январь) и с переломом очутилась в травматологическом отделении. Как только она пришла в себя... ну и так далее. К тому времени история моего появления на свет стала приобретать вполне банальные очертания.

Фотографий его я не видела. Омара Шарифа, вырезанного из журнала «Советский экран» и вставленного под стекло, в учёт брать не будем. Впрочем, внешность моего отца определялась весьма простым арифметическим способом — вычитанием. Если из меня вычесть мою мать с её средне-славянской раскосостью и русой невзрачностью, то в остатке получалось нечто жгучее, карее и вороное. Даже на новый год я выглядела весьма загорелой. Православная кровь с материнской стороны (преимущественно, из Рязанских земель) приглушила смоляную масть моего папаши, но это не спасло меня от школьных прозвищ, обидных и не очень: Сажа, Ворона, Маугли и под конец — Кармен.

К десятому классу я на голову переросла мать, приучила себя не налегать на косметику; после нескольких неуклюжих опытов со сверстниками перестала обращать на подростков внимание и переключилась на более взрослую часть мужской популяции столицы. Наука эта не обошлась без шишек и синяков. Иногда в самом буквальном смысле.

В нашем дачном посёлке тем летом появился красавец на мотоцикле. Он снимал скворечник у Соломы — глухой старухи Соломатиной, что жила у дальней просеки. Её забор упирался в сосновый лес, за лесом лежало люцерновое поле, которое обрывалось песчаным утёсом в Истру. Река тут глубокая и быстрая. Говорят, прямо с этого обрыва лет десять назад бросилась какая-то доярка из соседнего совхоза. Тела доярки не нашли, причиной самоубийства стала — разумеется — несчастная любовь.

Мотоциклисту на вид было лет двадцать, может, чуть больше. Звали его волшебю — Алик Купер (настоящая фамилия выяснилась потом — Валиулин), он курил ку-

бинские сигаретки «Монтекристо», короткие, без фильтра. От его кожанки воняло касторовым маслом, приторный гаванский дымок мешался с бензиновой вонью и одеколоном «Арамис» — ну как тут устоять, тем более, в пятнадцать лет.

Мы неслись через бор. Он гнал как маньяк. Старые сосны подступали к самой тропе, справа и слева мельтешили рыжие стволы. Дорога срывалась в бездну, а после снова летела в гору. Его «Урал» рычал, как истребитель, идущий на взлёт.

Остановились на опушке, в солнечных пятнах шустирила мошкара, пахло тёплыми иголками, был полдень. Движок «Урала» остывал и металлически цыкал. Алик Купер скинул куртку в ромашки. Расстёгивая молнию на джинсах, бросил мне через плечо — чего ждёшь, трусы снимай. Мне к трём на электричку успеть надо.

Я растерялась. У меня были месячные, к тому же никак не ожидала столь резвого развития наших отношений. Ладно, давай тогда в рот, — он ухватил меня за волосы. Я приблизительно представляла как это делается, но личного опыта тогда ещё не было. К тому же меня взбесила его бесцеремонность. Я предложила ему самому отсосать у себя. Купер остолбенел, открыл рот даже — у него оказались мелкие белые зубы, слишком много зубов, как у ископаемого земноводного ящера. Держа меня за волосы, Алик наотмашь ударил по щеке, и ещё раз — с другой стороны. После, схватив за воротник, разодрал до пупа мою блузку. Я рванулась вперёд, ногтями целилась в лицо. Он увернулся и ловко двинул меня в челюсть.

Очухалась я быстро, на опушке ещё стояла выхлопная вонь куперовского «Урала». Куда он меня завёз, я не имела ни малейшего представления. До посёлка добралась только под вечер. Губа распухла, на скуле наливался роскошный фингал. «Волейбольным мячом? — переспросила мать, — два раза подряд?»

Мне было плевать, что она не верит, меня трясло от ярости. Отомстить? Да, отмстить! Но как, как? Как отомстить, чтобы мерзавец-подлец-подонок на всю жизнь запомнил!